

Выпускной альбом

Они представляли из себя такой разгул творчества! Овимовские выпускные альбомы той незапамятной поры. Свободные до неприличия, веселые до хулиганства! Как всплеск ничем не ограниченной фантазии, рожденной в морской, тельняшечной среде, да еще и в сугубо мужском вузе. Для иллюстрации — описание одного из фото одного из альбомов, на котором группа курсантов, а среди них и будущий начальник факультета, кандидат наук и прочее на зеленом травяном склоне своими телами выложили общеизвестное заборное слово из трех букв. И тогдашний курсант, а впоследствии кандидат технических наук, образованнейший, интеллигентнейший и прочее, своим телом в этом неприличном слове изображал очень важную и ответственную деталь — черточку в букве "И". Со временем эта бурлящая озорной инициативой вольница попала под начальственный надзор, и их альбом выглядел уже чинно и правильно, что-то потеряв в сравнении с прежними, но вполне благопристойно.

Когда-то в их славной и известной на всю Одессу высшей мореходке по утрам можно было наблюдать некое явление. Когда грозные офицеры, до того неусыпными церберами сопровождавшие подчиненных им курсантов, закованных в чернобушлатные колонны, при подходе к лестнице, что вела вверх от Дюковского парка, вдруг тихо и скромно исчезали, и далее колонны уже следовали сами. А объяснением сему было то, что стену на самом верху, в которую упиралась лестница, традиционно испещряли надписи, касавшиеся непосредственно этих самых офицеров, содержания типа: "Череп — законченный урод", "Майор (далее фамилия) — идиот" или такой-то кретин недоразвитый и прочее, и прочее. Надписи эти регулярно стирались, но так же регулярно и появлялись, зачастую в цензурной форме и с завидным постоянством. И стена эта "народного гнева" функционировала довольно долго и едко.

Не обходила вниманием эта стена и самого главного из них, начальника этих офицеров. Он, кстати, как рассказывали, фигурировал на фото в одном из праальбомов, где в фотомонтаже, как есть, при кортике и погонах красовался с пышнотелой блондинкой в очень неприличной позе. Этот начальник чернобушлатные колонны не сопровождал, но почему-то считал своим священным долгом отлавливать курсантов, самовольно ушедших с лекций, устраивая им засады.

И занятно было видеть большой глобусно-круглый живот в морском

кителе, торчащий из-за дерева или стены Дюковского парка, стоящего в засаде большого начальника. Со временем пузатого начальника сменил другой начальник, уже засад не устраивавший, но у которого была другая "фишка" — провожать под оркестр колонны курсантов на занятия. И радовали глаз комично выглядевшие ежеутренние "парады" — новый начальник с рукой под козырек в многозвездном офицерском окружении и чернобушлатные колонны, плетущиеся мимо них с папками и портфелями под марш "Прощание славянки", и среди них, как правило, двое-трое, а то и более, с жесточайшего бодуна после вчерашних возлияний, и все это под язвительные комментарии высунувшихся из экипажных окон тех, кто по тем или иным причинам не шел на лекции. Функционально все эти офицеры в больших чинах, от "капля" и до капитана второго ранга, выполняли роли воспитателей, и в воспитуемые им автоматически попадали не только вчерашние школьники, но и уже отслужившие в армии, и даже те, которым под... а то и за тридцать. И все сопутствующее военщине — проверки, построения, строевые занятия и наряды, мешающие учебе, и истошный крик дневального при появлении дежурного офицера: "Рота! Смирно!", и далее по уставу. И все это, как ни странно, в сугубо гражданском учебном заведении с высококвалифицированным преподавательским составом и чрезвычайно насыщенной и сложной учебной программой. И это на живой одесской почве, свободолобивой и открытой вольным морским просторам. Такой спорный гибрид, естественно, был источником иронии и бурсаческих выходов, порождая стихийное сопротивление типа стены "народного гнева", массу казусов и анекдотов, в герои которых чаще всего попадал некий майор К., вечно ловивший курсантов, идущих из самоволки. "Возвращается как-то курсант из самоволки, а возле забора уже майор затаился. Только курсант над забором показался, а майор хватить его мичманку, а курсант не растерялся и хватить майорову фуражку. Стоят по разные стороны забора. "Товарищ курсант, немедленно отдайте мою фуражку!" — "А вы отдавайте мою!". Думал, думал майор. "Ладно, давайте меняться. Под счет "раз, два, три" перебрасываем через забор фуражки, вы мою, а я вашу". К концу учебы к офицерскому прессу отношение было все более наплевательское. А у них уже на четвертом курсе как-то отмочили — привязав к тумбочке дневального уличного бездомного пса. И дежурного офицера вместо вопля: "Рота! Смирно!" встретила тишина и симпатичный пес, виляющий хвостом, с повязкой дневального на лохматой шее.

И он шлепнулся ему в руки, тяжелый и огромный, в темно-вишневой

толстой обложке его выпускной альбом, страшно себе представить, уже другого, ушедшего века, и произошло чудо — прорва годов, месяцев, дней, отделявших те далекие альбомные времена от наших, вдруг мгновенно сузилась, альбом машиной времени перенес его в другую, минувшую эпоху, и на него нахлынули во множестве лица, люди, характеры, со всем присущим им и бывшим. Как ему казалось, уже давно им забытые, а на самом деле реальные, живые и осязаемые, и чуть ли не родные ему. Возродив массу воспоминаний, в том числе и вышеописанных. Его альбом долгие годы дремал где-то на антресолях, как дремлет мина в сине-зеленых морских глубинах, терпеливо выжидая своего часа. И это час настал. Он листал свой на долгие годы забытый альбом, и что-то слезоточиво-сентиментальное нахлынуло на него, порождая одновременно в душе его умиление и грусть.

И уже захлопнув было его, вдруг вспомнил, как курс на год старше их оригинально отметил свой последний звонок. Достав где-то заранее рынду (судовой колокол), солнечным весенним утром идеально наглаженные и начищенные в синеве голландок и гюйсов и ряби тельняшек, торжественные и осознающие всю значимость момента все семьдесят пять человек, они строем последовали по улицам ими любимой Одессы. Первая же ими встреченная винарка, удар в рынду "дон-динь", и все семьдесят пять торжественно спускаются по ступеням в винарку, чтобы принять на морскую грудь по стакану вина, не более. И снова строй, торжественный и чинный, следует по любимой Одессе, следующая винарка, удар в рынду "дон-динь", и еще по стакану вина на морскую грудь, не больше. Сколько им встретилось на пути винарок, трудно сказать, наверное, немало, но к концу следования они уже были никакие. Последнее "динь" прозвучало возле здания нынешней мэрии г. Одессы. Рынду они утопили в соленых водах родимого Черного моря, нечаянно, потому что в конце всего уже плохо ориентировались во времени и пространстве. А на следующий день разразился страшный скандал, и, как и бывает, посыпались громы и молнии на их грешные головы, и началась уже другая история, печальная и совсем не интересная.

Николаев

